ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Генетическая память – это комплекс наследственных реакций, передаваемых из поколения в поколение посредством генов. Термин широко используется в психологии и нейробиологии, когда специалисты говорят о биологически обусловленных «воспоминаниях». Генетикой отчасти можно объяснить то, что для многих из нас такие ежегодные праздники, как День Победы или День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, – не просто даты в календаре. В эти дни в подсознании детей, внуков и правнуков участников Великой Отечественной войны просыпаются чувства благодарности и патриотизма, гордости за наших предков, победивших в этой страшной войне ценой собственной жизни, гордость за дедов и отцов, подаривших потомкам мир на земле и ощущение сопричастности великому подвигу.

Начнем мы с одной удивительной и почти сказочной истории. Наших героев зовут Николай Николаевич Дьячков-Герцев и Вера Исаевна Жигунова. Они познакомились в 1947 году на выпускном вечере Высших офицерских курсов. Молодой офицер пригласил на танец юную девушку, а когда вечер закончился, проводил ее до дома. После того как они дошли до дверей парадной и остановились, он робко спросил, не захочет ли его спутница сходить с ним завтра в кино. И девушка вдруг согласилась.

А на следующий день, когда они еще только шли в кинотеатр, Николай предложил: «Вера, давайте поженимся!» Она очень удивилась и с улыбкой спросила: «Неужели любовь с первого взгляда?» «И на всю жизнь», – серьезно ответил Николай. Через день, не сказав никому ни слова, они подали заявление в загс, а через три месяца расписались. Родителей просто поставили перед фактом, придя домой с графином, наполненным Жигулевским пивом.

За семьдесят лет совместной жизни Вера и Николай вывели формулу человеческого счастья, которая в нескольких словах звучит так: уважать, поддерживать друг друга и идти на компромиссы. Они были уверены, что если бы вдруг появилась возможность начать жизнь сначала, они ничего не стали бы менять в своих отношениях.

Вот такая история. Она кажется очень простой, почти сказочной, если бы не дата на календаре – 1947 год, неуютный послевоенный мир. По весенним улицам Ленинграда шли двое – двадцатипятилетний капитан, который начал войну в девятнадцать лет старшим лейтенантом, командиром батареи, а затем заместитель командира дивизиона противотанкового истребительного полка на Пулковских высотах, и двадцатиоднолетняя девушка, пережившая ужасы блокады девочкой-подростком, которая в блокадном Ленинграде работала санитаркой в госпиталях и участвовала в концертных программах для раненых.

Для них обоих дата 27 января – День снятия блокады – навсегда осталась и великим праздником, и днем скорби и памяти. Такие эмоции, как правило, сложно передать словами. Зато музыка, особенно величайшее музыкальное произведение XIX века, легендарная Седьмая симфония – «Ленинградская» Дмитрия Шостаковича, написанная в 1941 году в блокадном Ленинграде, способна передать куда больше, самые глубинные чувства. Симфония предвещала победу героических ленинградцев, выстоявших восемьсот сорок два дня блокады Ленинграда и победивших врагов.

«О войне родители старались молчать, – вспоминает Лена, дочь Веры и Николая. – Только сейчас мы, взрослые дети, наконец-то стали понимать, почему ни папа, ни мама, которые прошли через ужасы войны и через пытку голодом, пронесли в себе через десятилетия эти жуткие воспоминания (как называла их мама), ни в День снятия блокады, ни в День Победы о войне старались не говорить. Никаких подробностей о войне и блокаде Ленинграда никто от них никогда не слышал.

В эти знаменательные даты родители только просили: «Лена, сыграй «Темную ночь» или «Синенький скромный платочек». Тогда я садилась за пианино и играла, а родители танцевали, нежно обнимая друг друга, и мило улыбались. У мамы на глаза наворачивались слезы. Присутствующие понимали, что в этот момент у родителей душа кричала и надрывалась от боли за перенесенные жуткие дни ленинградской блокады, обстрелы и сирены, за нечеловеческий голод, который они смогли пережить только благодаря исконной силе духа русского человека!

Мы неоднократно просили родителей написать о войне и блокаде. Но они говорили, что не могут, очень тяжело вспоминать. Мама даже начинала тихо плакать. Но когда в юбилейные даты маме и папе вручали награды, мама с гордостью за ленинградцев, за героический народ, победивший фашизм, прикалывала на кофточку медаль

«900 дней блокады», периодически поглаживала ее и улыбалась. Мама гордилась такими наградами, хотя некоторые не понимали этого. Они говорили: «Железка какая-то! Чем тут гордиться?! Не то что у ветеранов, у которых вся грудь в орденах».

В свои последние годы жизни родители все-таки поддались на уговоры детей и записали воспоминания о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда. Николай Николаевич, девяностопятилетний ветеран, полковник запаса, озаглавил их «Школа ада».

Вера Исаевна в девяносто два года написала рассказ-воспоминание, назвав его «Блокада-пытка».

ШКОЛА АДА

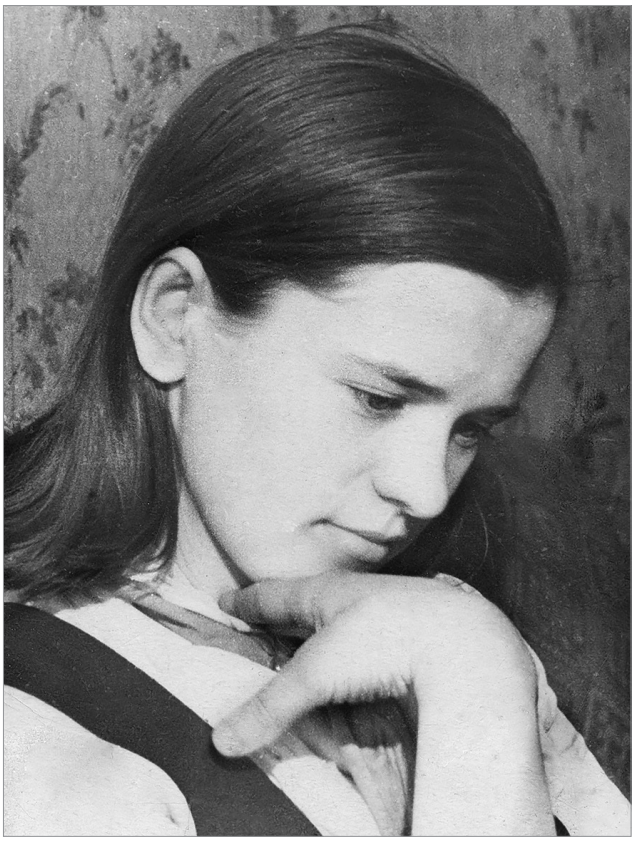
В 1941 году мне было девятнадцать лет, – так начал Николай Николаевич свой рассказ. – Я был курсантом Смоленского артиллерийского училища. 22 июня в 4 часа утра германские войска без объявления войны напали на Советский Союз. Направление главного удара немецкой армии пришлось на Смоленщину. По приказу Верховного Главнокомандующего все курсанты в звании лейтенанта были направлены на фронт, на Смоленщину.

Ревущий и ужасающий гул летящих бомбардировщиков, непрекращающиеся обстрелы, свистящие пули над головой и сотни фугасных и зажигательных бомб обрушились на Смоленск. Огромное количество убитых, стоны раненых. Эти воспоминания первого боевого крещения до сих пор вызывают ужас и леденят мою душу.

Затем меня вызвали в Москву, в Софрино, где формировался артиллерийский полк. Назначили командиром артиллерийской батареи 45-мм орудий, сорокапяток на конной тяге и направили в Волоколамск, где мы заняли оборону. Шли ожесточенные бои. Самолеты немецко-фашистской армии многократно бомбили город в течение пятнадцати – двадцати дней. А в июле 1941 года немцы начали наступление на Москву. Они находились от города примерно в шестидесяти – ста километрах. Ночью самолеты вражеской авиации хорошо просматривались, так как небо освещали прожекторы и было светло, как днем. Хотя вражеские самолеты и сбивались нами, но часть бомб все-таки сбрасывалась на войска, оборонявшие Москву. Мы на ближних подступах к Москве несли значительные потери от бомбовых ударов вражеской авиации. Эти кошмарные ночи в Подмосковье в момент наступления войск забыть невозможно! Результаты обороны зависели как от стойкости солдат, так и от гражданского населения и всеобщей готовности побеждать!

Ночью самолеты немецко-фашистской армии бомбили Москву. Артиллерия и самолеты Советской Армии отражали налеты и несли потери в личном составе и технике.

• ***Николай Дьячков-Герцев (в центре) с сослуживцами.***



• ***Вера Жигунова.***

В конце июля 1941 года дивизия и полк, в который входила моя батарея, получили приказ Верховного Командования Советского Союза о передислокации с Западного фронта на Ленинградский – в район Выборга. Октябрьская железная дорога в тот момент не функционировала, и нашей дивизии пришлось добираться до Ленинграда окружными путями. При этом перемещении мы понесли большие потери.

Особенно мне тяжело вспоминать нахождение в районе озера Куроярви. Там погибла половина личного состава, мы потеряли семьдесят процентов техники, а наши лошади были уничтожены полностью. Я сам получил ранение и был направлен в эвакогоспиталь в город Тихвин. При переезде из Ленинграда в Тихвин эшелон с красным крестом, в котором находилось более сотни раненых, три раза бомбили немецкие самолеты. Многие раненые были убиты. Только через сутки мы добрались до Тихвина.

Госпиталь располагался в Тихвинском монастыре. Лечили недолго, чуть меньше месяца. Из госпиталя направили сразу на Ленинградский фронт, в 705-й истребительный противотанковый артиллерийский полк 14-й бригады 42-й армии, сформированной в Гатчине летом 1941 года. 42-я армия занимала оборонительные позиции от Урицка до Царскосельской насыпи, а 705-й полк – от Пулковской обсерватории до Шушар.

14-я бригада и 705-й полк формировались в Ленинграде, в районе Гренадерского моста, напротив Ботанического сада. Моя батарея состояла из ста двенадцати человек. Половина личного состава имела высшее образование. В батарее служили представители двенадцати национальностей. Все были друзьями и жили душа в душу. Мы получили приказ занять позицию в деревне Пулково (у Пулковской обсерватории). Главный наблюдательный пункт находился в здании главного телескопа Пулковской обсерватории. Переехать от Ботанического сада в Пулково было очень сложно. Машины весом по полторы тонны, полуторки остались без бензина. Солдаты сделали сани, в которые сами по очереди впрягались и тащили орудия по Московскому проспекту с проспекта 25-го Октября (ныне это Невский проспект).

Когда мы прибыли на место, я приказал сделать два ДЗОТа для орудий у деревни Пулково на случай, если немецкие танки будут прорываться к Ленинграду. Так и случилось. Каждую ночь с немецких наблюдательных пунктов немцы пытались прорваться к Ленинграду. Они делали вылазки группами по семь – десять человек. Но наши передовые позиции были крепко защищены.

Поле боя от Александровки до Дудергофа днем и ночью хорошо просматривалось передовыми частями 42-й армии. Немецкие войска многократно пытались прорвать оборону, но у них ничего не получалось. Нас называли «смертниками», так как нейтральная полоса между нашими частями и немецкой обороной составляла от пятисот метров до полутора километров. Все цели (орудия, танки, различная техника и личный состав передовых частей) можно было разглядеть днем и ночью с помощью осветительных снарядов.

В часы затишья много приходилось заниматься с личным составом и офицерами полка боевой подготовкой, так как часто в полк поступали бойцы, которые призывались в армию с гражданки, не имея никакого военного образования. Особенно тяжелой обстановка была на фронте в зимние периоды с 1941 по 1943 годы. Страшные налеты авиации во время блокады (по пятьдесят – сто самолетов) обстреливали войска и город.

Во время блокады Ленинграда личный состав стойко переносил тяготы войны. Немцы часами по громкоговорителю приглашали солдат и офицеров перейти на их сторону, обещая мир, дружбу и все блага. С самолетов полк неоднократно засыпали листовками с предложениями перейти на сторону немцев. Но за все время военных действий на Пулковских высотах в 42-й армии не было ни одного случая перехода солдата или офицера к противнику.

Батарея ежедневно выделяла по десять – двадцать человек, которые выдвигались как можно ближе к противнику и уничтожали немцев из винтовок с оптическим прицелом. Это было опасно для наших солдат, и многие на таких операциях погибали. Но это приближало нас к цели – прорвать кольцо не-

мецких захватчиков и наконец-то снять блокаду с города. Обстрелы были настолько мощными, что стирали с лица земли буквально все.

Во время обстрела Пулковской высоты мне запомнился один эпизод. Со стороны Вороньей горы (Дудергоф) началась такая мощная атака, что на месте огромного лесного массива на самой высокой точке остался только один огромный вековой дуб, а дорогу Пулково – Ленинград – Пушкин полностью засыпало осколками от разрывов снарядов, мин и бомб.

На Ленинградском фронте нас привлекали для ведения контрбатарейной атаки. Авиация давала координаты целей немецких батарей и танков, и мы вели огонь по ним с закрытых позиций, уничтожая их. На фронте в 1943 году получили приказ Верховного Командования – «Ни шагу назад!». И этот приказ с честью был выполнен.

Меня и многих боевых офицеров, которые окончили военные училища до войны, по приказу Верховного Командования направили в тыл для подготовки на фронт. Меня отправили в Ростовское училище, эвакуированное в Челябинск. Пройдя такую «школу ада», я решил, что свою трудовую деятельность посвящу военному делу, обучению и воспитанию будущих офицеров, военному искусству, ракетному и артиллерийскому делу, а также этике и эстетике советского офицера.

После войны, в 1946-м, я окончил Высшие офицерские курсы в Ленинграде, в 47-м – повторно окончил курсы командиров дивизиона. На выпускном вечере Высших офицерских курсов познакомился с девушкой, с которой и прожил всю жизнь – ровно семьдесят лет.

Девушкой этой и была Вера Исаевна…

Елена Николаевна рассказывает:

«За пять-шесть месяцев до своего ухода мама подошла ко мне и протянула несколько исписанных листов бумаги. «Мама, что это?» – спросила я. «Это мои воспоминания о блокаде, которые я решила написать». В конце рассказа мама приписала номер телефон и попросила, если будут вопросы у читателей после публикации, позвонить ей. Но, к сожалению, тогда (а до ее ухода оставалось несколько месяцев) никто и не задумывался, что это срочно нужно опубликовать, что вот тут – вся правда истинного очевидца, пятнадцатилетней девочки, пережившей блокаду Ленинграда».

БЛОКАДА-ПЫТКА

Блокадников, которые что-то помнят, почти не осталось.

Слушаю тех, кто остался, и думаю, были ли они в Ленинграде в блокаду, если говорят, что на Новый год кто-то свеклу, а кто-то картошку нашел и с этим и отметили. О какой свекле или картошке говорят эти люди?

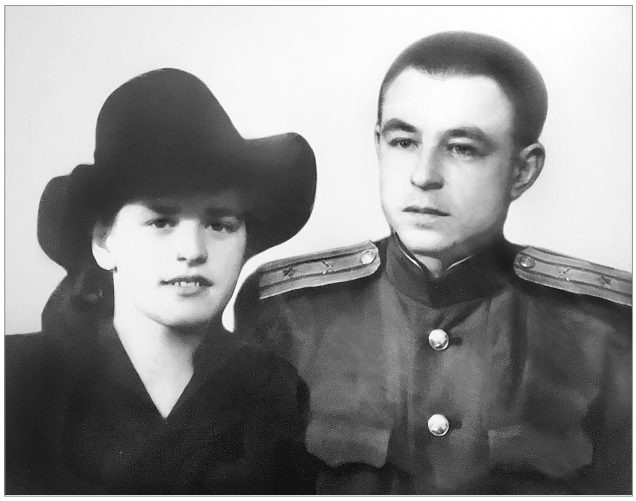
Блокада – это страшное время, о котором невозможно даже вспоминать. Воды не было, спичек не было, еды не было. Но город все равно жил своей жизнью и люди работали, пока еще стояли на ногах. Более слабые от голода лежали дома и не могли дойти даже до туалета, а те, кто был покрепче, при выходе на улицу за водой или за пайком (125 граммов хлеба) иногда не доходили до магазина. Шли, падали и умирали.

• ***Николай Дьячков-Герцев после войны.***

За хлебом ходили на Невский проспект (угол Невского и Лиговского). Там и я стояла в очереди. Когда же очередь подходила, нужно было хлеб прикрывать руками, чтобы не выхватили над весами. Однажды я видела, как в этой булочной у кого-то выхватили хлеб, и тот, кто выхватил, сразу с жадностью стал этот хлеб есть. Его повалили, стали бить ногами до крови, а он съел этот хлеб и лежал и молчал.

Мне было пятнадцать лет. С момента наступления блокады школы не работали. Учиться стали только после нового, 1942 года. Иногда дети за партами умирали от голода.

Весной, когда растаял снег, на улицах было много нечистот. В квартирах и домах еще лежало очень много трупов, которые некому и некуда было вывезти. Боялись эпидемии. Ленинградцы, которые могли еще работать и выходить на улицы, стали убирать город. Школьников старших классов отправляли в парки города и на окраину копать грядки для выращивания овощей. Увидев лебеду в полях, мы рвали ее и жадно ели. Тогда нам это казалось райским наслаждением.



• ***Николай Дьячков-Герцев и Вера Жигунова в день регистрации брака.***

Все население люто ненавидело немцев, которые устроили ленинградцам такую пытку голодом. При этом немцы пытались проводить бесконечную агитацию населения, сбрасывая с самолетов ежедневно тысячи листовок, призывающих сдаться и перейти на их сторону. Но героический дух ленинградцев непобедим! Люди умирали от голода, но у тех, кто еще боролся за жизнь, и мысли не было сдаваться! Блокадники – это люди, которые по-настоящему любили свой родной город и Родину!

А еще блокада мне запомнилась страшными бомбежками. По одиннадцать-двенадцать воздушных тревог в день. Не успевали дойти до квартиры на пятом этаже, как новая воздушная тревога и вновь нужно бежать в бомбоубежище. Тогда я жила на 4-й Советской улице, дом 28, а напротив, в доме 31, находилось бомбоубежище.

Помню, в ноябре 1941 года мы в бомбоубежище провели около шести часов. Все это время велись массированные бомбардировки. Когда вышли на улицу, Дегтярный переулок было не узнать. Страшно смотреть! Развалины, ямы от снарядов и бомб. Все засыпано стеклами и осколками. Много убитых и раненых. В нашем доме вылетели стекла из окон и квартирные двери. Мы жили с заколоченными окнами.

В квартирах было очень холодно и темно. В сильные морозы в квартирах ставили печки-буржуйки, и мы их топили стульями и другой мебелью, спасаясь от холода. Бомбежки, артобстрелы, голод, холод... И негде обогреться. Иногда папа наливал олифу в блюдце и зажигал как-то камнем-искрой коптильню, которая горела и поэтому лица были черные, в копоти, а вот умыться было нечем и попить воды также, чаще всего, не было. За ней ходили на Неву, а весной на 5-ю Советскую улицу, так как там весной по асфальту текла вода. Вот мы и черпали ковшиком с асфальта эту талую воду. Много взять было невозможно, так как сил хватало только на то, чтобы донести маленький чайничек.

И вот однажды я с соседкой по коммунальной квартире Нюрой пошла за водой на 5-ю Советскую. Нам воды не досталось. Тогда Нюра (ей было девятнадцать лет) сказала: «Пойду на чердак, на крышу. Наберу снега». Я же была очень слабая и пошла домой, так как дойти до чердака уже не смогла. Только я вошла в квартиру, тут же пришли соседи и сообщили, что Нюра сорвалась с крыши и лежит на асфальте во дворе. Соседи попросили свекровь Нюры забрать ее домой. Но у этой женщины уже от голода умерли муж, сын и маленький новорожденный внук (муж и сын Нюры), и она сказала, что ей надоели покойники и никого она не пойдет забирать. Помню, как Нюрин муж Витя перед смертью кричал моему папе из своей комнаты: «Исай Сергеевич, найдите кошку, есть хочу!» Папа отвечал, что кошку взять негде. Витя ночью умер от голода.

Потом мой папа (и еще ему кто-то помогал) принес Нюру домой, а ночью она умерла. Ее похоронили в Невской лавре, как и других наших соседей по квартире.

Ближе к весне я, истощенная и опухшая от голода, лежала вместе с такими же истощенными родителями в коммунальной квартире на пятом этаже рядом с одиннадцатью трупами соседей, которых некому было вынести. Однажды я сказала родителям: «Наверное, умираю!» Мама сказала: «Пойду на Мальцевский рынок (Некрасовский) и попробую поменять кусочек мыла на кусочек хлеба. С рынка мама пришла расстроенная и без ничего. Тогда папа, который практически не мог стоять на ногах, так как был очень истощен, взял мамины новые сандалии и пошел в Пушкинский театр. Он поменял их на ложку пшена и спас мне жизнь!

Что еще мне сильно запомнилось во время блокады?

В начале блокады небо было густо заполнено аэростатами, которые мешали немецким самолетам хорошо просматривать город. При соприкосновении аэростата с самолетом аэростат взрывался, а самолет загорался.

Чаще всего город бомбили по ночам, а днем сбрасывали листовки или, если удавалось, зажигательные бомбы.

Пока мы, школьники старших классов, были в силах, иногда при бомбежках, охраняя свой дом, бежали на крышу гасить зажигательные бомбы. В другие дни помогали в госпиталях ухаживать за ранеными.

Как-то раз поехали жить к бабушке на улицу Рузовскую, так как у нее было немного теплее, были целы окна и двери. В то время мой дедушка уже умер от голода. Пожив у бабушки, мы получили продуктовые карточки на апрель на хлеб и уже какие-то продукты. А когда мы спросили бабушку, где карточки, она запихала их рот и стала жевать. Вот что делает голод! Ведь нас бабушка очень любила и в мирное время очень вкусно готовила и часто нас кормила. В июле 42-го бабушка умерла от голода.

Еще помню, как на Суворовском проспекте, если идти от Невского по левой стороне, стоял большой серый дом с колоннами. Там находился госпиталь. И его разбомбили. Сколько же там было убитых и раненых! Все, кто мог, пытались помогать выжившим. Население города было очень сплоченным.

Весной 1942 года пошли трамваи. И вот снаряд попал в заполненный людьми трамвай! Страшно вспоминать! Там было месиво! Это произошло между Октябрьской гостиницей и станцией метро «Площадь Восстания» (тогда там стояла церковь).

Помню, как много дней горел разрушенный дом на Лиговском проспекте. Было очень много жертв. Все по возможности старались помочь, так как пожарных не было.

Еще на Фонтанке разбомбили госпиталь. Раненые, убитые, бинты на проводах... Жуткая картина, которую передать словами невозможно! А в Таврический сад упал самолет с немцем. Немец лежал еще живой, и все ходили в сад на него посмотреть.

Сколько же страданий принесли и война, и блокада Ленинграда! За время блокады только в нашей семье умерли двадцать человек. Четверым из них было пятьдесят лет и больше, а остальные шестнадцать человек, самые близкие родственники, умерли в возрасте от десяти до двадцати пяти лет. И ещё моя новорожденная сестра.

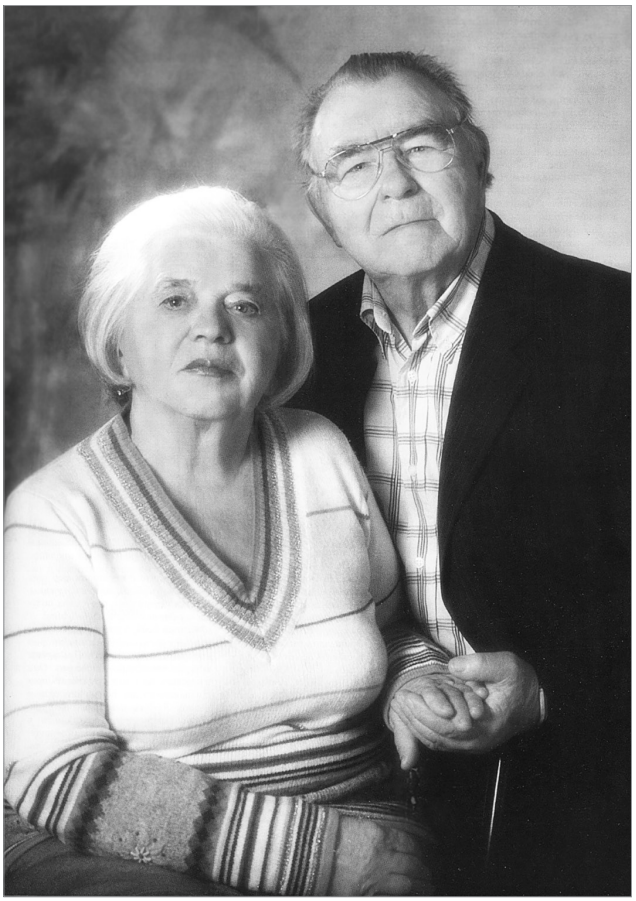
Я могла бы еще очень многое написать, да очень расстроилась от этих воспоминаний и очень переживаю, так как для меня это страшное время. Именно его я и назвала «Блокада-пытка».

Мой муж во время войны всю блокаду защищал Ленинград. Он был заместителем командира дивизиона противотанкового истребительного полка. Он умер в возрасте девяносто шести лет и похоронен на Серафимовском кладбище.

Так заканчивается этот рассказ, а после следует подпись «Дьячкова-Герцева Вера Исаевна» и номер телефона, по которому, как она надеялась, кто-нибудь позвонит и задаст ей вопросы.

Дочь Лена дополняет: «После написания своего короткого рассказа мама перестала ходить на улицу, говоря, что кружится голова. Она готовила еду и разгадывала кроссворды, а через несколько месяцев ее разбил инсульт. Не пролежав в больнице и недели, не приходя в сознание, она тихо умерла. Мы похоронили ее на Серафимовском кладбище рядом с папой, которого она пережила на четыре года. Можно сказать, что они прожили одну на двоих большую жизнь и не потеряли любви и уважения друг к другу.

Под конец своих дней они совершили еще один подвиг – решились рассказать о событиях войны и блокады, облечь в слова такие воспоминания, которые и через семьдесят с лишним лет причиняли им боль. Я верю, что истории, рассказанные моими родителями, уже звучат в Симфонии № 7 Шостаковича. На самом деле они всегда



• ***И в зрелом возрасте они были счастливой парой.***

там были, и вот пришло время, чтобы они проявились. Ленинградцы, героически отстоявшие свой город, – это и моя мама, пятнадцатилетняя девочка-подросток. Воины, которые не отступили ни шагу назад и прорвали блокаду, – это и мой папа».

С каждым днем мы все дальше и дальше уходим по вектору времени от страшных событий сороковых годов двадцатого века. Как бы хотелось, чтобы мы, наши дети и внуки всегда свято берегли память о героическом и бессмертном подвиге ленинградцев, знали историю нашей Великой Родины, многонационального советского народа, сражавшегося с фашистами во время Великой Отечественной войны. Может, тогда и начнет крепнуть патриотизм, о котором мы так много пишем и говорим, и подрастающее поколение станет гордиться подвигом своих предков, передавая из поколения в поколение рассказы людей, пострадавших и отстоявших свой город, свою Великую Родину, сохраняя генетическую память.

Елена ЛАПТЕВА